

Вег. мейд. - 1993 - 6 фев. - с. 7.

«У всех одни кумиры, только хотят все разного: одни — свободы, другие — кресла, третьи — воровать»

Я ДОЖДАЛСЯ Леонида Филатова в пустом вестибюле Театра на Таганке, когда туда спустился Юрий Петрович Любимов. Почти в тот же момент я увидела входящего в здание Филатова. Поднялась, быстро к дверям, перехватила его на входе.

— Леонид Алексеевич, там Любимов, мне подумалось, что вам не хотелось бы этой встречи.

— Я не сторонник всяких разделов (опыт других театров убедил, что это совсем не плодотворный путь), но я отчетливо понимаю, что раздел — единственная возможность сохранить этот дом. И я бы никак не высказывал свою точку зрения, если бы знал, что Юрий Петрович гарантирует людям работу по профессии в собственном доме и в собственной стране. Гарантирует, а не начнет гнать их на улицу. Более того, будь оно так, слова бы поперек не сказал, и подчинился бы. А не нужны — я, Губенко, другие — ушли бы. Но гнать людей на улицу, лишать их работы сегодня, во время этой чумы... вспомним. Юрий Петрович вернулся, побил немало и уехал — у него контракты. Возможно. Но, подписывая контракт здесь, он дал обещание, что его зарубежные контракты закончатся на каком-то этапе и он начнет работать в стране.

Нет, силком никто не будет затаскивать его на эту территорию — человек вправе решать, где ему жить. В конце концов можно приехать ставить спектакли и отбывать из страны. Но должна же быть определенность. Люди хотят работать, а не бесконечно играть ставшие уже допотопными спектакли. Вместо этого за спиной всех, втайне рождается проект приватизации театра. Вот это и стало основой конфликта, конфликта, который продолжается при попустительстве властей, более того, подогревается ими. А всего-то и надо — исполнить закон, тем более что есть и резолюция Президента. Исполнить, а не рассуждать — это я в адрес чиновников — о «неделимости театра».

— Говора об угрозе быть выкинутыми на улицу, вы живете в аду работников технических цехов?

— И их тоже. Пять лет и еще полтора года Любимов не было в стране, а люди продолжали держать этот дом и сокращали его. Он ведь в своем интервью так и сказал: «Страна должна пройти безработицу». Должна, и все. Она, может, и пройдет, но почему именно Любимов, живущий сейчас за рубежом, должен стимулировать этот процесс?

— Во имя театра еще одна жертва искусства? — Да нет его, этого театра. Нет. Есть номинация, видимость, иллюзия существования. Приходите, посмотрите: в зале пустые места, билеты на Таганку давно можно купить, уже и распространители появились.

— Да уж... И вот мы в небольшом кафе, где-то рядом с театром. Маленький зал, накрытые клетчатными скатертями столы, кофе, сигареты. Филатов здесь свой. Признается, поводом для встречи была не ситуация на Таганке. Обычная беседа — о планах, о книге Филатова, которая только-только вышла из печати. Но, спровоцировав своего последнего бегством

от Любимова неизбежный разговор о Таганке, я записала его целиком и воспроизвожу почти без сокращений. И отнюдь не на любве-вклубничке. Газеты так много и так охотно в последнее время публиковали Любимова, что мне показалось справедливым услышать и противную сторону. Выслушать, не судя. Хотя признаюсь: многое из сказанного Филатовым разделяю.

Юрий Петрович это понял, может быть, раньше других. И сегодня идет спор за здание. Он хочет распорядиться и торговать только коробкой, но не работать здесь, а другие пытаются сохранить этот дом если не театром, то хотя бы каким-то домом для искусства, чтобы в нем скоро не открылся стриптиз-бар или бордель.

— Нас с вами очень даже можно обвинить в том, что мы рассуждаем, как совки». Театр — не богоугодное заведение, здесь работают, отношения должны быть деловыми.

— Очень знакомо. Юрий Петрович тоже декларирует западные отношения: есть работодатель, есть контракт, и будьте любезны. Но когда люди приняли, так сказать, условия игры и вспомнили о законе, в ход тут же пошли те же «совковые» понятия: «долг», «судимость», «честь», и Юрий Петрович встал в позу короля Аира. Хотя все наоборот: ты замаяхнулся, а не на тебя замаяхнулись, ты хочешь убивать, а не тебя хотят убивать.

Мы ведь замечательно научились манипулировать словами: в одном случае, когда надо, говорят «народ», в другом, когда надо, — «власть толпы», «охлакратия», «быдло». У всех один и тот же джентльменский набор: Булгаков, Цветаева, Ахматова — эдакий переносной чемоданчик. — У всех одни кумиры, только выясняется, что все хотят разного: одни — свободы, другие — кресла, третьи — воровать. А что касается «совков», то все мы несем в себе эти гены, а те, кто всякий раз сообщает нам, что мы живем в клоаке и дерьме», счастливо глядя нам при этом в глаза, потому что вроде бы он уже и выбрался из клоаки, несут их в себе не менее, чем мы.

— Леонид Алексеевич, в одном из своих интервью Любимов назвал вас «сольем-разбойником». Прозвучало отеческим укором, оставляющим надежду на прощенье и возможное возвращение «блудного сына».

— Возвращение куда и зачем? Присутствовать при убийстве своих товарищей? Театр погиб. Сегодня Любимов застывает людей принимать крещение через выгребную яму. Недавно был жуткий случай. Любимов решил заменить исполнителя роли Коровьева в «Мастере и Маргарите» и весте на эту роль своего. Назначенный на везд артист прямо на спектакле ходил за артистом, играющим роль Коровьева, повторяя мизансцены, заглядывая, высматривая,

и все это на глазах у Любимова, на глазах ничего не понимающей публики. Представляете состояние артиста? После спектакля у него прямо в гримбуражной случился сердечный приступ.

А ситуация изгнания Губенко Люди за сердце хваталась. Стоит белый Николай — он пришел играть спектакль «Владимир Высоцкий», а его не пускают в театр — и омовение обучает Губенко жизни: «А не надо было плевать в лицо учителю». — «Щенок, что ты об этом понимаешь? Что ты понимаешь «про учителя» и что ты понимаешь под «плевать в лицо»? И все это смеяется, а потом показывается по телевизору строго наоборот. Я-то понимаю, что это была заказ-

Леонид ФИЛАТОВ:

— А чем вы это объясняете? — У нас ведь любят топтать поверженных — так было, кстати, всегда, в сейчас особенно, очень даже прилично стало забрасывать камнями и стоящих у власти. Можно... Разрешено. Многие я объясняю именно этим — нашей общей невоспитанностью.

— По-моему, это не самый последний грех прессы — быть в оппозиции к власти.

— Давайте вспомним, как Губенко стал министром и когда. Это было время обольщения. Тогда многие художники ходили «во власть»: Элем Климов, Юрий Соламин, да и сейчас ходят. Всем казалось, что если культурой займется художник, то это как-то изменит ситуацию. Недолго длилось обольщение, а точнее сказать, сопротивление чиновникам, но было, было... Николая благословили на власть многие очень уважаемые люди: «Надо, Коля, надо! Если не мы, то кто?». Ответственно скажу, что Губенко сделал много, очень много для страны, и это многие понимают. Другое дело, что усилия его зачастую уходили в песок — пробывание, согласования, выбивание денег для музеев, библиотек. А потом началась кампания с библиотечной хасидов. Губенко осознал, что он, министр культуры, служит ключником у огромного количества ценностей. Понимал, что начини он отдавать — пойдут: немцы потребуют свое, Украина свое и т. д. Начнется растаскивание сокровищ. Призывал: давайте подумаем, решим цивилизованно, давайте объяснит, но нет — шла другая гильба, демократия во дворе, а мы — самые демократичные в мире. Сегодня многие, конечно, понимают, что он был прав, но...

А ситуация с Любимовым? Она ведь тоже очевидна. Губенко, еще не будучи министром, его привез, он обольщая Любимова страной, как сливочным тортом. Он передал ему театр. Так зачем же Юрию Петровичу говорить сегодня с точностью до наоборот? Почему выходит статки «Губенко снова скачет по кругу»? Грустно все это. А что касается оппозиции к власти, так ведь и интеллигенция тоже должна быть в оппозиции или хотя бы сохранять достоинство и дистанцию. Посмотрите на все эти «благотворительные супы», которые так услужливо показывает телевидение. Трещены молю люди — среди них много известных, уважаемых — поглощают эти супы, расплачиваются в любезностях спонсорам, меценатам. Конечно, есть богатые люди, заслуживающие благодарности, но не надо обольщений. Балы прессы, на которых журналисты обнимаются с мэром, — а вы говорите об оппозиции. Или конгрессы интеллигент-

ции — где это возможно, в какой стране?

Мы живем сегодня в безвекторном пространстве. То, что вчера выглядело романтично, сегодня — смешно, то, что вчера было хорошо, сегодня — отвратительно. Нельзя долго играть в игры неплотодонные, не дающие результата. Так можно войти в круг и заныть к себе в тил. И для меня все очевидное и очевидное становится, что страна расслаивается на два края: на людей, у которых существует чувство Родины (я не имею в виду, конечно, кликуш из числа национал-патриотов), и армянских — тех, кто живет по принципу «гуляй, развлекайся, хватай, беги, и пропади все пропадом! В чужаке сегодняшнего дня? Да в том, что народ склонился или склоняют к мысли, что демократия в России невозможна. И виноваты мы. Так ликовали, так радовались, что вера-то не заметили.

— Леонид Алексеевич, а что делать, чтобы не бежать по кругу?

— Наверное, единственный выход — тихо делать свое дело. Видоизмениться, сменить шкуру, делать что ты сверх, что душа, конечно, не помнешь, и от сознания, что ты сегодня неинтересен, что пришли другие люди, избавиться трудно. С таким ведь ощущением сегодня живут многие. Да было плохо. Но ведь люди жили, и им не вычеркнули свое прошлое. И Булгаков жил, и Шаламов, и Домбровский. Вот и вычарки. Не получится. Недавно я закончил для телевидения сериал. Это несколько передач об артистах, когда-то знаменитых, а сегодня забытых. О людях, чья жизнь оборвалась трагически: Изольда Извицкая — она умерла в одиночестве и пролежала мертвой 10 дней в пустой квартире, Катя Савинова — бросилась под поезд, Юра Гусев — его убили, Юра Комаров — тоже убили, Оля Бан... Через рассказы об этих людях и складывалась собственная мелодия. А начало фильма замечательно: моя помощница на улице показывает фотографии артистов и обращается с вопросом: «Кто это?» — «Что-то знакомое. Нет, не помню!».

И идет титр «Чтобы помнили».

— А «вратах сверх» — это книга, которая сейчас выходит под названием «Сукины дети»?

— Можно считать так, хотя там собраны старые вещи. Из новых — сценарий фильма, который начинаю снимать.

— О чем фильм?

— Опять попытка угадать. Если «Сукины дети» довольно сентиментальным сказкой, и как выяснилось, не отражающая мерзости этого мира — в жизни все случилось наоборот, и люди оказались не способными на единение и на любовь. В этот раз я придумал другую историю о некоем человеке, якобы диссиденте, якобы стукаче, который эмигрирует в Париж. К обстановке адаптироваться не может, как писатель не состоялся — оказывается, что он просто графоман, а никакой не писатель. Волею судьбы он сохдится с какими-то латиноамериканскими революционерами, участвует в демонстрации, стреляет и... гибнет в городе, о котором мечтал всю жизнь. Трагифарс. Попытка исследовать некий тип российского интеллигента, который ненавидит большевизм, отталкивается от него, рефлексирует, но быстро с собой договаривается. Словом, знакомый, узнаваемый тип.

— Артист Филатов исполняет главную роль?

— Да, буду играть Толика Парамонова, и не столько из соображений художественных, сколько с целью экономии денег.

— А кто еще будет сниматься в вашем фильме?

— Лия Аджеджова, Галина Петрова, Владимир Ильин, Николай Губенко... Возможно, если дядю согласит. Илона Чурикова, Светлана Немолова и другие хорошие артисты.

— А презентация книги, я ставлю бы, и сценария состоится 6 февраля в Театре эстрады? Это будет что-то вроде творческого вечера?

— Вроде. Придут друзья: Миша Мишин, Сергей Юрский, Аркадий Арканов, Николай Губенко, Леонид Ярмольник, Татьяна Догилева, Александр Градский.

— Я заканчивал эту историю, когда по телевизору показывали «Небеса обетованные». Снятый три года назад, а задуманный и тогда раньше, фильм этот отмечен прозорливостью таланта. Всем нам к «Небесам обетованным», как оказалось, лететь на одном корабле. Хорошо это или плохо, но это так. Вот долететь бы только...

Елена СЛОБОДИЧКОВА.

Фото Александра КОЧЕТОВА.